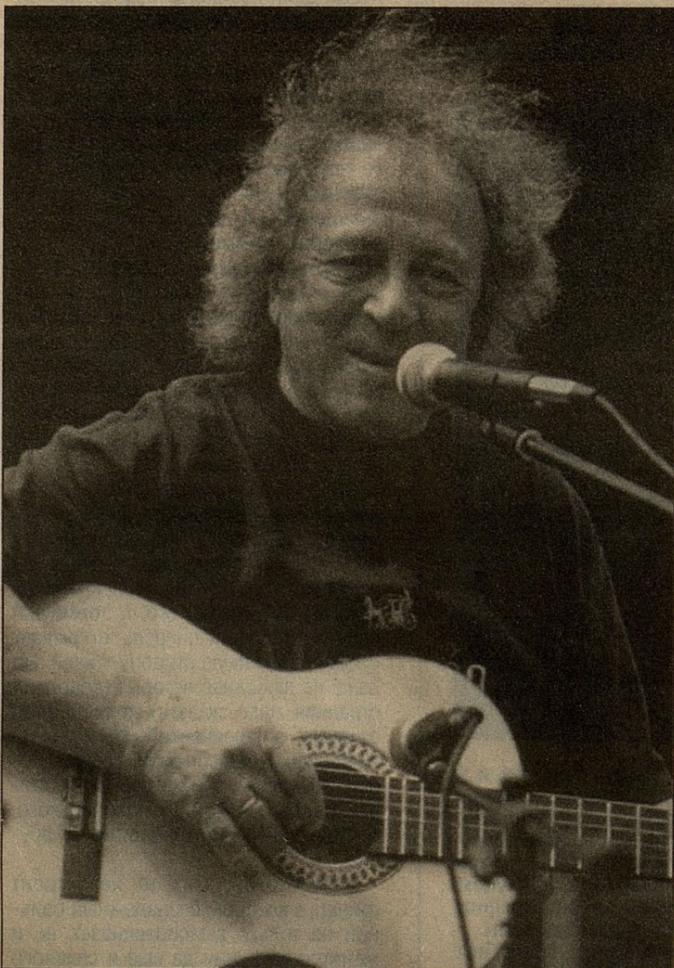

Юрий КУКИН:

Я никогда не ездил за туманом

Вчера Юрию Кукину исполнилось 70. Нам понадобился лишний день, чтобы осмыслить этот факт. Уж слишком не вяжется солидная цифра с автором "Парижа", "Маленького гнома", "Гостиницы". Наконец, "За туманом"...

- "За туманом" - плохая песня, - оборвал наши восторги юбиляр.

- А?
- Окуджаву ее ненавидел. Он мне сказал: "Юра, больше никогда не пиши туристских песен". Я и не писал, она у меня одна такая. Вообще не люблю походов, не люблю ходить в лес - даже за грибами. И в жизни не ездил ни за какими туманами.

- Да ладно, вы же не вылезали из экспедиций! "Люди сосланны делами, люди едут за деньгами..." - пели вы, заколачивая тысячи на работе тренером по фигурному катанию (при тогдашней зарплате инженера сто рублей). Так что же вас срывало с места, если не "мечты и запах тайги"?

- Фигурным катанием я занимался зимой, а в марте моя работа заканчивалась. Летних катков еще не было, и, заработав за полгода на несколько лет вперед, я оставался не у дел. В те времена скакать с места на место запрещалось. Чтобы не портить мой паспорт лишними штампами, дирекция дворцов и парков Петергофа, где я числился в штате, не увольняла меня на лето, а назначала директором пляжа. За 80 рублей в месяц я должен был следить, чтобы песок не украли. На нем лежать и его охранять. То есть полная си-некура. Могу расписаться за месяц вперед: пришел-ушел, и привет.

Мы тогда дружили с Глебом Горбовским. Он как-то заглянул ко мне и говорит: "Юра, вот ты здоровый, молодой мужик, лежишь на пляже и ни фига не делаешь. Поезжай в экспедицию, там интересно - тайга, река, веселые ребята поют под гитару. Наберешься впечатлений, сам песни напишешь".

Ладно, думаю, поеду. В первый раз я отправился с гео-

логами. Она стали песни петь, мне понравилось: во здорово! Потом по рукам пошел самиздат, Иосиф Бродский. Короче, я заинтересовался. И уже из второй поездки привез две песни - "Говоришь, чтоб остался я" и "За туманом". Кстати, странная штука. Я только только спел в экспедиции "За туманом", возвращаюсь в Ленинград и с удивлением обнаруживаю: на улицах, в метро, в электричках - везде поют "А я еду, а я еду за туманом..." Значит, получилось, понял я.

- Почему же Окуджаву смешал ее, извините, с... этим самым?

- Ну да, примерно так он и выразился. Но я и сам сообразил, что песня - дерьмо. Быстренько перевел ее на четыре четверти - она стала танцевальной. "Тында-тында-тында-тында - Понимаешь / Это странно / Очень странно / тында-тында..." Если я заходил в ресторан, где работали знакомые, меня обязательно просили спеть "За туманом". "Как только ты ее споешь, - говорили, - все сразу водку заказывают. Ты уж навешай нас почаще!" В этом, оказалось, главное качество песни "За туманом".

- А как Глеб Горбовский оценил ваш дебют?

- Глеб так сказал: "Юра, не умеешь писать стихи - не пиши. Бери мой сборник "Тишина", дуй музыку и пой мои стихи - они все-таки нормальные. Ведь стихи, Юра, состоят из сравнений, определений и метафор. А у тебя, - говорит, - одни глаголы, существительные и междометия, больше ничего. Правда, есть два прилагательных, но они тоже тебя не украшают. Первое - это "законченный чудак", второе - "невозвращенные долги", а

долги надо платить. Ты сам-то слышишь, что насочинял? "А я еду"! А-я-е - три гласные подряд. Или - "и за запахом". И-за-за... Это, - говорит, - тьфу! Так писать нельзя, а ты такое поешь".

- Ничего страшного, нормальный разбор художественного текста. Зато "За туманом" и "Париж" - одновременно - победили на конкурсе авторской песни. Давайте рассказывайте о своем триумфе.

- Я никогда не участвовал ни в одном конкурсе и этот тоже пропустил - был в экспедиции. Приезжаю - звонят из ДК Кирова: ждем вас на концерт победителей. Прихожу. Вот там я впервые увидел Окуджаву. Он сидел в ложе и спал под туристские песни. Пелось что-то бодрое, про путешествия - "Стометровую ель поцелую в снежную ладошку", о Геркулесовых столпах, о Соловецких островах и так далее. Ну и я вышел, кое-как сбавил "За туманом". Хлопают. Спел "Париж" - хлопают еще больше. Дай, думаю, спою "Город". А "Город" - песня умная, вроде как с подтекстом. Спел - в зале овация. (Вот тут, мне рассказывали, проснулся Окуджаву). Тогда я обнаглел и выдал "Сказочника" - она философская да еще с намеком на разные дела. Здесь вообще поднялась буря. Под бурю я раскланялся и ушел.

Вдруг за кулисами появляется Окуджаву - со свитой, глаза горят, направляется ко мне: "Изумительно, замечательно! Ведь это не песня - это стихи. Где ты научился их писать?" - "В джазе, - отвечаю. - Я там играю на барабане". Его прямо передернуло. "Слава богу, - говорит, - ничего у тебя от джаза не осталось". Я обиделся: как не осталось? Да мне джаз, может быть, нужен не

дзазе играю! Мой джаз! Я его создал!" Наш диксиленд работал на танцах, в ресторане. Диксиленд чем хорош - там не надо знать нот. Каждый играет от Бога.

- Вроде дремучие шестидесятые - убожество быта, идеологии, черта в ступе. И вдруг джаз, стихи, путешествия, море портвейна. Откуда такая свобода?

- Когда говорят, что бардов травили, это ложь. Нас просто замалчивали, нам не давали площадок. Но мы их находили сами - лес, студенческое общежитие. И это во всех городах. Если случался скандал, попадало не нам, а тем, кто устраивал наши концерты. Мы уедем - и кого-то выгоняют из партии. Да, нас не пускали на радио, телевидение. Но, как сказал Окуджаву, бардовское движение родилось в результате технической революции. Появился новый канал информации - магнитофон. Слушать песни не запретишь, да? Правда, за распространение могли и посадить. Мой приятель-геолог отсидел семь лет - его арестовали дома, когда он переписывал песни Галича.

- Положим, и с самим Галичем власти обошлись круто. Вы наверняка были знакомы, расскажите о нем.

- О ком будет статья - обо мне или о Галиче?

- Так все равно получится о вас! Ведь, общаясь с Галичем, Высоцким, Окуджавой, вы формировались как личность...

- Я сформировался сам. Когда Анчаров впервые меня услышал, случайно раздобыв кассету, он был потрясен: "Юра, ты на нас как с неба свалился - без всяких поэтических влияний, ни на что не похожий". То есть я ни с кем не варился в одном котле. С Галичем встречался сравнительно редко. Ну, раз двадцать плотно посидели. С Высоцким - еще меньше. Он, кстати, мне сначала не понравился, я ему предпочитал Визбора. Уже потом понял, что Высоцкий - более образный и так далее.

- Вас не огорчает, что интерес к авторской песне сейчас поухит?

- Вы что, с ума сошли? Ха. Если четыре года назад в Берлине был один фестиваль, то в этом году - десять. В Израиле - в каждом городе фестиваль. Не говоря о том, что творится в Америке.

- А в России?

- Еще круче.

- Скажете, вас молодежь слушает?

- Только молодежь.

- Какая?

- Всякая. Умная. Их много.

Уже рокеры просят на Грушинский фестиваль: "Дайте нам что-нибудь сыграть!" Шевчук жаловался: "У нас площадок нет, мы никому не нужны, все рвется к бардам". Да барды сейчас на такой высоте! Кроме Грушинского по стране проходит сто пятьдесят фестивалей в год (раньше - около двадцати). Вот, пожалуйста: Калининград, Катунь, Уфа, Челябинск, Свердловск, Ярославль... Где еще? Воркута, Владивосток, Хабаровск... На последний фестиваль из Москвы летели полторы тыся-

чи авторов, из Ленинграда - триста. Все с гитарами, их число растет невероятно, потому что это самый доступный вариант получить известность... Нет, ну надо же такое сказать...

- Тогда, надо полагать, ваш юбилей станет чем-то вроде фестиваля. Соберутся триста бардов, во главе стола устроитесь вы, ударите по струнам - и понеслось?

- Во-первых, за столом будет восемь человек, включая меня. Никаких друзей (пошли подальше), одни родственники. Во-вторых, я пою только со сцены, только в микрофон. Без него не могу, мне стыдно. Как петь, когда люди перед глазами? А уткнулся в микрофон - все, это уже защита, стыд прошел. Когда у меня бываю гости... Но я уже двадцать лет никого к себе не пускаю, потому что надоело. Так вот, если кто-то зайдет, то сразу начинается: "Спой!" - "Да не буду я петь". - "Ну спой, а?" - "Не могу! Вы понимаете - немо-гу!" Иногда соглашался, но все равно ничего не получалось. Никак не начать, скучно, неуютно. Чего ради я буду сидеть и петь без удовольствия, без всякой задачи? Зачем излагаться-изголяться перед народом?

- Вы одинокий человек?

- Я хочу этого! Не получается. Очень не люблю, когда народ в доме.

- И давно это с вами?

- Всегда. Я сам себя устраиваю как собеседник.

- Друзья-то есть?

- Нету.

- А были?

- По-настоящему - не было. Есть коллеги, так сказать, соученики, студенты, вместе с которыми учился, - все. Но не друзья.

- Ну чего вы врете? Опять прячетесь, как за микрофон?

- Не вру. Мне не надо друзей. Зачем? У меня жена есть. А друзья - это те, кто приходит и начинает рассказывать, как живет. Но меня не интересует чужая жизнь. Я всегда писал только о своей. Высоцкий однажды спросил: "Почему ты поешь все про себя да про себя? Делай иначе - влезай в шкуру другого человека и пиши. Будешь, как я, - хоть подводником, хоть уголовником, хоть альпинистом". - "Волюда, - говорю, - ты же артист, а я не умею играть". - "Ну так попробуй". - "Ладно, попробуй. В твою шкуру можно влезть?" Он удивился: "А не просторно ли будет?" - "Да я по углам пошарю". - "Черт с тобой, пиши про себя!" Испугался, наверное.

- А я вот не испугаюсь и задам традиционный вопрос к юбилею. Вас по-прежнему навещают мысли, под которые когда-то сочинилась песня "Поезд": "Значит, что-то не так, не так, что-то не удалось?"

- Удалась - не удалась - все равно это жизнь. Большая, разная... Меня однажды спросили: "Вам понравилась Америка?" Да как она может нравиться или не нравиться? Это же не любовница и не окрошка. Это - данность. В Америке меня занимал другой вопрос: я-то ей понравился?

Вот и жизнь - данность. Она не бывает удачной-неудачной. Она бывает одна.

Елена ЕВГРАФОВА

Вроде дремучие 60-е. И вдруг - джаз, путешествия, море портвейна

меньше, чем вся поэзия вместе взятая.

Правда, скоро моя обидка улетучилась. После концерта Окуджаву вышел на сцену и сказал следующее: "Мне понравились мужественные стихи Горюхиного, ассоциативность Клячкина. Но больше всего меня поразили песни Кукина. Песни сложные - а публика их хорошо понимает. Как выросла аудитория! Нам было труднее". Этими словами он произвел меня в голые короли. Я самую плохую песню напишу - никто не смеет сказать, что она плохая. Значит, аудитория не доросла, раз меня благословил Окуджаву.

- Вот вы кокетничаете, называя себя голым королем, а мне не дают покоя ваши королевские заработки. На что вы тратили свои тысячи? Надеюсь, не пропиивали?

- Это было сложно, тогда ведь пили портвейн. Я купил себе целый джазовый ансамбль - и ничего не пропиивал, а всех угощал: "Пейте, я в

Кукин
Юрий
18.07.2002
168